

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 1 / 2025, Vol. 8, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94.5
DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-127-132

Образ идеального самурая в литературе эпохи Токугава (1603-1867)

¹ Смирнов В.В.,
¹ Уральский федеральный университет

Аннотация: целью данной работы является исследование образа идеального самурая в японской литературе эпохи Токугава (1603-1867). Мы обратимся к таким важным самурайским произведениям как трактат Дайдодзи Юдзана “Будосёсинсю” (“Наставления вступающему на путь воина”) и тексту Ямамото Цунэтомо “Хагакурэ” (“Сокрытое среди листвы”). Помимо этого, нами будет использован трактат великого японского воина Миямото Мусаси – “Го Рин Но Сё” (“Книга пяти колец”), произведение Адати Масахиро – “Хэйджюцу Дзэкун” (“Основы фехтования”) и “Трактат самурая Дзягю Тадзима-но-ками о фехтовании”. Особенностью данных произведений является попытка авторов приспособить коренные ценности самураев к мирной жизни, когда возможность выразить свою преданность господину в реальном бою практически сошла на нет.

Ключевые слова: Япония, образ идеального самурая, японская литература, “Будосёсинсю”, “Хагакурэ”, “Го Рин Но Сё”, “Хэйджюцу Дзэкун”, “Трактат самурая Дзягю Тадзима-но-ками о фехтовании”

Для цитирования: Смирнов В.В. Образ идеального самурая в литературе эпохи Токугава (1603-1867) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 127 – 132. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-127-132

Поступила в редакцию: 26 сентября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 ноября, 2024 г.; Принята к публикации: 15 января 2025 г.

The image of the ideal samurai in the literature of the Tokugawa era (1603-1867)

¹ Smirnov V.V.,
¹ Ural Federal University

Abstract: the purpose of this work is to study the image of the ideal samurai in Japanese literature of the Tokugawa era (1603-1867). We will refer to such samurai works as the treatise by Daidoji Yuzan “Budoshoshinshū” (“Instructions for one entering the path of a warrior”) and the text by Yamamoto Tsunetomo “Hagakure” (“Hidden among the leaves”). In addition, we will use the treatise of the great Japanese warrior Miyamoto Musashi – “Go Rin No Sho” (“The Book of Five Rings”), the work of Adachi Masahiro - “Heijutsu Zekun” (“Basics of fencing”) and “Treatise of the samurai Dzyagyū Tajima-no-kami on fencing”. The peculiarity of these works is the attempt of their authors to adapt the fundamental values of the samurai to a peaceful life, to consider the issue of serving the master and dying in his name from a new angle of perception.

Keywords: Japan, the image of the ideal samurai, Japanese literature, “Budoshoshinshū”, “Hagakure”, “Go Rin No Sho”, “Heijutsu Zekun”, “The Treatise of the Samurai Jagyu Tajima-no-kami on Fencing”

For citation: Smirnov V.V. The image of the ideal samurai in the literature of the Tokugawa era (1603-1867). Historical Bulletin. 2025. 8 (1). P. 127 – 132. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-127-132

The article was submitted: September 26, 2024; Approved after reviewing: November 27, 2024; Accepted for publication: January 15, 2025.

Введение

Эпоха Токугава (1603-1867) в японской истории, по устоявшемуся мнению, считается «золотой порой самурайства» [1, с. 28]. В это время, после длительного периода волнений, Япония наконец сумела восстановить порядок и мир, который так долго был ей недоступен. Однако, при кажущейся на первый взгляд открывшейся перспективе развития самурайского сословия, всё же потомственные воины оказались не у дел. Как указывает исследователь Уинстон Л. Кинг, «К эпохе Токугава, главная обязанность самурая – сражаться и быть готовым умереть в любой момент – стала бессмысленной. В самом деле, какой смысл воину выполнять обязанности чиновника, надзирателя, управляющего округом или сборщика налогов?» [2, с. 125]. Поэтому одной из главных проблем самурайства этого периода стало решение вопроса, как приспособить свои коренные качества к мирным обязанностям и ценностям. Самурайство пришло к необходимости приспособления своих старых идеологических норм к новым условиям существования [3, с. 74].

Материалы и методы исследований

В этих условиях в Японии появляются два наиболее показательных для нас литературных произведения, авторы которых ставят своей целью разобраться в возникшей проблеме – что значит быть самураем в мирное время? Это такие произведения как «Будосёсинсю» Дайдодзи Юдзана и «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомэ [4].

Данные произведения интересны для нас потому, что авторы уже в начале своего повествования определяют стержневую основу самурайства эпохи Токугава. Так, Дайдодзи Юдзана в своём трактате говорит, что самурай в любое время дня и ночи обязан помнить о смерти. Утром, когда он садится завтракать, или когда он платит долги перед новым годом – все его мысли должны быть обречены в сторону своей смерти, пишет Дайдодзи [5, с. 25]. Ему вторит Ямамото Цунэтомэ, говоря: «Я постиг, что Путь Самурая – это смерть. В ситуации или-или без колебаний выбирай смерть» [6, с. 18].

В данном контексте, закономерен вопрос – какое значение вкладывают в свои слова Дайдодзи Юдзан и Ямамото Цунэтомэ, также как и самурай предыдущих поколений говоря, что для воина главное – это смерть. Обратимся за ответом к текстам источников. Вот, что пишет Цунэтомэ: «Настоящим самураем можно стать только в том случае, если каждый день помнить о смерти и

жить так, как будто ваше тело уже мертво» [6, с. 73]. Дайдодзи Юдзана же указывает, что если воин всегда осознает, что смерть неизбежна, он сможет вести жизнь, руководствуясь преданностью и сыновней почтительностью. Только тогда он сможет избежать многих бед и несчастий, защититься от болезней и бедствий и прожить долгую жизнь. Он станет выдающейся личностью, обладающей великими качествами [5, с. 36].

Результаты и обсуждения

Обобщая изложенные выше цитаты, можно заметить, что смерть для идеального самурая являлась жизненно важным и необходимым компонентом – только с осознанием и мыслью о смерти самурай мог прожить истинную жизнь воина. Другими словами, смерть выступала как своеобразная призма, через которую идеальный самурай эпохи Токугава должен был взирать на все проявления жизни. В этом понимании, смерть не должна была реализоваться в плане физического уничтожения тела, она должна была быть выражена в особом взгляде воина на свою жизнь.

Суть данной философии смерти хорошо раскрывает пример, описанный Цунэтомэ в «Хагакурэ»: «Во время битвы при Бунго, к самураю Таканобу прибыл гонец из вражеского лагеря с сакэ и угощениями. Таканобу хотел попробовать угощения, но его вассалы сказали ему, что угощения из вражеского лагеря могут быть ядовитыми. В ответ же Таканобу сказал: «Неважно, даже если они отравлены. Зовите гонца!» Затем он открыл перед гонцом бочонок сакэ, выпил три большие чаши сам и одну предложил гонцу. Затем Таканобу ответил на его вопросы и отправил гонца обратно в лагерь врага» [6, с. 14].

Как мы видим, Таканобу демонстрирует полную отрешённость от страха смерти, выпивая посланное из вражеского лагеря сакэ. Этим жестом, герой показывает, что намерение умереть для самурая – есть главный жизненный постулат. Также нам нужно обратить внимание на то, что намерение умереть, ставиться выше, чем желание победить врага. Впоследствии Цунэтомэ уже ясно пишет: «Воинская доблесть выражается не столько в победе над врагом, сколько в готовности пожертвовать собой ради своего хозяина» [6, с. 58-59]. В то же время Дайдодзи Юдзан подчеркивает, что основой этой доблести является такое чувство, как стыд. Встречаются воины, пишет он, которые перед лицом опасности, несмотря на свои страхи, продолжают идти вперед, стыдясь опозориться перед лицом своих товарищей. Такие самурай

полны решимости. Поначалу, конечно же, они намного слабее храбрецов, но после нескольких схваток привыкают к опасности и одерживают верх в битвах. В конце концов их мужество возрастает, и они становятся бесстрашными воинами, не уступающими настоящим храбрецам. Таким образом, истинное мужество и правильные поступки основаны на стыде» [5, с. 12-13].

Самурай, взирающий на свою жизнь через призму смерти, должен был прийти к пониманию того, что за пределами текущего мгновения не существует ничего важного. Помнить о смерти – значит постоянно быть «здесь и сейчас», без всякого рода отвлечений на посторонние мысли и эмоции. По этому поводу Юдзан Дайдодзи указывает, что самурай пренебрежёт своим долгом по отношению к господину, если начнёт тешить себя мыслью о безграничной верности ему и своей семье. Однако, если он сосредоточится исключительно на текущем моменте своей жизни, не заботясь о своём будущем, то стоя перед господином, он будет воспринимать этот момент как последний в своей жизни, тогда все его чувства и мысли будут преисполнены искренностью, верностью и сыновней почтительности» [5, с. 35]. Ему вторит Цунэтомо: «Что может помочь самураю добиться своих целей и развить усердие? Для начала, человек должен быть невозмутимым и спокойным в этот самый момент. Люди часто выглядят подавленными, но если они находятся в ясном и незамутненном состоянии духа, их черты преображаются. Что бы ни делали такие люди, они всегда сосредоточены на чем-то одном. Эти качества очень трудно приобрести и еще труднее постоянно поддерживать. Нет ничего вне настоящего момента» [6, с. 42].

Как мы видим, идеальное самурайское миропонимание отрицало существование реальности за пределами текущего мгновения, а такие понятия как прошлое и будущее для самурая являлись второстепенными и опасными явлениями, так как могли отвлечь от необходимости мгновенного схватывания возможности оказать услугу господину.

Как мы видим из текста «Хагакурэ», подлинный самурай каждое утро и каждый вечер должен был готовить себя к смерти. Из дальнейшего текста становится ясно, что данный мотив смерти способствует возвращению в войне безличностного отношения к окружающей действительности: «Люди считают, что, анализируя сложные ситуации, они способны найти решения. Тем не менее, размышления зачастую порождают ложные убеждения. В результате они не могут принять обоснованные решения, так как их рассуждения основаны

на стремлении к личной выгоде. Отказаться от неразумных мыслей и развить истинное безличностное мышление представляет собой значительную трудность. Однако, если, подходя к вопросу, ты не сосредотачиваешься на нём, а ориентируешься на четыре заповеди самураев господина Набэсима, твои суждения будут соответствовать наиболее взвешенным мнениям» [6, с. 63].

Безличностное отношение к действительности, помогающее более полно выразить преданность господину, воспитывало в самурае беспредельную решимость на пути служения. Это самурайское качество было своеобразным мостиком, который соединял теоретические установки бусидо с реальной жизнью. Цунэтомо по этому поводу указывал, что в древности мудрецы говорили, что если человек не сможет принять решение в течении семи вдохов и выдохов, то результат будет плачевным. Воин должен действовать быстро, затянутые размышления не приветствуются» [6, с. 39]. В «Будосёсинсю» по этому поводу описывается случай, произошедший со священником Дайю, к которому обратились с просьбой: «Вы сможете показать нам пример возвращения к жизни умершего человека? – Я покажу вам, как вернуть человека к жизни с помощью молитвы, ведь без этого буддизм теряет весь свой смысл. Монах сел рядом с умершим и стал медитировать. Через некоторое время умерший начал дышать и двигаться. Говорят, что он прожил еще полгода. На вопрос Дайю – «Как вы молились?» он ответил: «Никакой особой молитвы у меня не было, потому что в нашей секте нет традиции возвращать мертвых к жизни. Я просто открыл свое сердце Будде Дхарме, наточил кинжал и спрятал его в халат. Если Будда Дхарма действительно обладает силой, пожалуйста, верни их к жизни! Если бы умерший не ожил, я бы тут же разрезал себе живот и умер рядом с покойником» [5, с. 17].

В «Хагакурэ» мы встречаем отрывок, который как нельзя лучше показывает решимость самурая выразить свою преданность господину через смерть во имя него: «Реликвии семьи Сома были одними из самых известных в Японии. Однажды в их доме вспыхнул пожар. «Я не жалею ни о доме, ни о его содержимом, – в конце концов, это все можно будет восстановить» – сказал глава клана. «Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что не могу уберечь свои древние клановые реликвии». – «Я войду в горящий дом и вынесу реликвии», – сказал один из самураев клана Сома». Толпа рассмеялась, а господин Сома сказал: «Ты не сможешь этого сделать, потому что дом уже полностью объят пламенем». Этот человек не отличался красноречием, он никогда не был полезен

своему хозяину, но его приняли в слуги благодаря его способности выполнять работу от начала до конца. – «Я был слишком беззаботен, чтобы помочь своему господину, когда он в этом нуждался, но в глубине души я мечтал отдать за него жизнь», – сказал самурай. «Похоже, время пришло». – После этих слов самурай кинулся в огонь. Когда всё догорело, глава клана сказал: «Найдем останки этого мужественного воина». Тело его было найдено в одной из бывших комнат. Было обнаружено, что самурай вскрыл себе живот и спрятал там ценные реликвии, которые ничуть не пострадали от огня. С тех пор они стали известны в Японии как «кровавая родословная» [6, с. 77-78].

В данном отрывке, наряду с констатацией высокой самурайской решимости, хорошо прослеживается упоминавшаяся уже нами ситуация «здесь и сейчас» – самурай должен быть в постоянной сознательной сосредоточенности на происходящей действительности, чтобы в определённый момент сделать правильный выбор в ситуации «или – или» и решительно «схватить» возможность выразить свою преданность господину через смерть.

Цунэтомо пишет, что проявление истинной решимости в действиях, возможно лишь в том случае, если самурай основательно подготовится к их выполнению. В тексте он указывает, что Бусидо – это, прежде всего, осознание того, что никогда нельзя знать, что произойдет в следующий момент. Поэтому необходимо день и ночь тщательно анализировать каждую возможность. Исход битвы часто определяется сиюминутными обстоятельствами. Однако можно легко избежать смерти и позора. Даже когда поражение кажется неизбежным, нужно продолжать идти к своей цели. Для этого не требуется особой мудрости или развитых навыков. Настоящий самурай не думает о победе или поражении, а мужественно встречает неизбежную смерть. Только так можно пробудиться ото сна, пишет автор [6, с. 25].

Следующий фрагмент из Хагакурэ, недвусмысленно рисует чистоту воинской ценности, выраженной в не привязанности самурая, как к собственной жизни, так и к смерти, глубина постижения которой становится достаточным основанием для констатации великого мастерства воина, без необходимости учёта его технического уровня: «Один из самураев самого сёгуна попросил знаменитого мастера Ягю взять его в ученики. Мастер ответил: «Вы очень похожи на мастера боевых искусств. Поэтому я не могу принять вас, не узнав, что представляет собой ваша школа». Посетитель ответил: «Я никогда не занимался боевыми искусствами». Мастер спросил: «Вы пришли поиздеваться над мной? Или моя интуиция ввела меня в

заблуждение, указав что вы – мастер?» Посетитель поклялся, что это не так. Тогда хозяин спросил: «Если это не так, то какие глубокие убеждения вы имеете? «В детстве я вдруг понял, что воин – это тот, кто не привязан к своей жизни», ответил самурай. Это осознание осталось в моем сердце на долгие годы и стало моим глубочайшим убеждением. Мастер Ягю был глубоко тронут словами этого самурая и произнёс: «Моя интуиция меня не обманула. Основной принцип боевых искусств заключается именно в этом понимании. Ни один из сотен моих учеников ещё не понял до конца этот глубочайший принцип. Вам не нужно осваивать навыки работы с бамбуковым мечом. Я сейчас же посвящу вас в мастера». Сказав это, он протянул свиток посетителю» [6, с. 18-19].

В данном примере, Цунэтомо говорит о более продвинутом уровне сознания идеального самурая. Если Дайдодзи Юдзан в «Будосёсинсю» призывает самурая каждый день делать усилия, сознательно вспоминая о важности смерти, то Цунэтомо показывает пример того, что случается с самураем, через определённый промежуток времени, когда данная мысль становится всей сущностью воина. При этом, мы видим, что, самураю больше нет надобности думать о смерти.

Призыв к необходимости формирования в самурае не привязанности к вещам окружающего мира и подлинное пустотное воинское восприятие мы встречаем в произведении «Хэйдзюцу дзэкун» («Основы фехтования») – Адати Масахиро, и в «Трактате Дзягю Тадзима-но-ками о фехтовании». Данные произведения были написаны в эпоху Токугава, как трактаты по наставлениям воинов. Данные мастера пытаются рассмотреть ценности самураев под психологическим углом, в котором чувствуется большое влияние дзэн-буддизма. Как мы увидим в дальнейшем, являясь учителями школ самурайского меча, авторы данных произведений, употребляют слово фехтовальщик, а не самурай или воин. Тем самым, они не двусмысленно дают понять, что воин – это скорее человек с особым психологическим складом ума, чем представитель замкнутого социального сословия. Но так как данные школы фехтования создавались преимущественно для обучения самураев боевому искусству, то и рассматривая ценности фехтовальщика, мы будем подразумевать под этим самурайские ценности.

Говоря о самурайских ценностях, Дзягю Тадзима, в частности, даёт такое наставление: «Хотя от неподготовленного самурая не придется ждать высшего мастерства боя, однако если он настроится на то, что живым ему уже не уйти с поля брани, то он сможет преобразиться в грозно-

го противника даже для мастера фехтования. Страх смерти и жизненные привязанности моментально отражаются в движениях самурая, и противник может этим воспользоваться» [7].

Чтобы прояснить эту мысль, рассмотрим пример другого мастера фехтования, Масахиросы Адати. Он приводит показательный пример, когда не сведущий в боевых искусствах человек, находясь на краю жизни и смерти, достигнув определенного психологического состояния непривязанности к жизни, заставил отступить опытного фехтовальщика. Этот пример показывает, что можно сделать с человеком, который осознает неизбежность смерти и поэтому теряет страх перед ней: «Слуга одного самурая разгневал одного влиятельного человека. И тот, пользуясь своим влиянием, попросил самурая, в пример другим, наказать этого слугу. В те времена это могло означать только смерть для слуги. Самурай вызвал к себе слугу и произнёс: «Мне очень жаль, но я должен исполнить желание оскорбленного и казнить тебя. Других вариантов нет. Однако я советую тебе сразиться со мной и попробовать зарубить меня мечом на дуэли. На что слуга возразил: «Вы отлично владеете мечом, я же никогда к мечу не прикасался. Мне вас не победить». Что касается самурая, то он давно уже хотел сразиться с человеком, который опустил руки и оказался в безвыходной ситуации: «Возьми в руки меч и попытай счастья. Посмотрим, улыбнется ли тебе судьба и что получится из этого поединка!». Когда они обнажили мечи друг против друга, то самурай вдруг заметил, что его позиция недостаточно хороша и нужно её сменить. Он сделал шаг назад, потом еще и еще, до тех пор пока не уперся в препятствие за спиной. Загнанный в угол, самурай не мог переместиться уже в более выгодную позицию и с отчаянным криком нанес своему слуге смертельный удар. Позже он рассказывал своим ученикам: «Меня чуть не убил мой собственный слуга. Его бешеная атака с мечом была не отразима. Как же может тогда сражаться первоклассный воин в таком состоянии, если даже у слуги получилось стать таким опасным противником?!»» [8].

Как мы видим, слуга полностью проявил такие истинно воинские качества как отрешённость от жизни и пустотность восприятия, что позволило ему, сконцентрировав всю свою волю в едином порыве наступления, основательно смутить опытного фехтовальщика.

Как уже было сказано, возможность умереть в сражении в мирную эпоху Токугава, у самурая практически отсутствовала. В этой связи, интересно рассмотреть ценностное отношение самураев к смерти не в боевом сражении, а в мирное время – от болезни в постели: «В мирное время заболевший воин, не важно молодой он или старый, должен проявить стойкость и не цепляясь за жизнь, спокойно с ней расстаться. Он должен позвать своего господина, будь то высокого или низкого ранга, пока он в состоянии говорить, и выразить господину свою благодарность за внимание и доброту, проявленные к нему, и сообщить, что он всегда старался выполнять свои обязанности, но теперь заболел тяжелой болезнью, от которой он не может оправиться и вернуться к исполнению своих обязанностей».

Выводы

Таким образом, мы видим, что идеалы самурайства эпохи Токугава (1603-1867), имеют свои уникальные особенности, так и черты, встречающиеся в более ранней эпохе существования самурайского сословия. Во-первых, главным идеалом самурайства эпохи Токугава, оставалось преданное служение господину, которое окончательно оформилось в период междоусобной войны в Японии (1336-1568). Но, теперь по причине отсутствия наивысшей возможности выражения преданности господину через смерть, самурай, переосмыслив свои ценности, перевели смерть из понимания необходимости физического уничтожения тела, в ранг особого психологического взгляда на жизнь. Поэтому идеальным самураем становился не после смерти, а после того, как намерение умереть становилось всей сутью его образа жизни. Жизнь самурая, которая полностью воплотила в себе намерение смерти, Ямамото Цунэтомо в Хагакурэ называет искренней жизнью воина. Намерение умереть формировало такое качество воина как отрешённость. Это в свою очередь вело к безличностному отношению к действительности, которое помогало самураю оценить любую жизненную ситуацию и принять правильное и быстрое решение по любой проблеме. Значительный акцент делался на необходимости самурая следовать принципу «здесь и сейчас», данный принцип формировал в самурае безграничную решимость, как качество, которое позволяло мгновенно схватить возможность выразить преданность господину в реальной жизни.

Список источников

1. Синицын А.Ю. Рыцари страны восходящего солнца. История, традиции, оружие. СПб.: “Паритет”, 2007. 352 с., ил.
2. Уинстон Л. Кинг. Дзэн и путь меча. Опыт постижения психологии самурая: пер. с англ. Котенко Р.В. СПб.: Евразия, 2002. 320с., ил.
3. Маслов А.А. Бусидо: Кодекс чести самурая. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2008. 284 с.: ил. Путь мастера.
4. Ратти О., Уэстбрук А. Тайны древних цивилизаций. Самурай. М.: Изд-во Эксмо, 2007. 640 с.
5. Будосёсинсю (Наставления вступающему на путь воина) Юдзан Дайдодзи: пер. на русский: Р.В. Котёнок, А.А. Мищенко СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
6. Хагакурэ (Сокрытое среди листвы) Ямамото Цунэтомо. Перевод на русский: Котёнок Р.В., Мищенко А.А. СПб.: Евразия, 2001. 320 с.
7. Трактат Дзягю Тадзима-но-ками о фехтовании. [Электрон. ресурс] 2024. URL: http://www.aikidoka.ru/bushido_2/ (дата обращения: 18.08.2024)
8. Хэйдзюцу Дзэкун (Основы фехтования Адати Масахиро) [Электр. ресурс] 2024. URL: http://www.aikidoka.ru/bushido_2/ (дата обращения: 16.09.2024)

References

1. Sinitsyn A.Yu. Knights of the Land of the Rising Sun. History, Traditions, Weapons. SPb.: “Parity”, 2007. 352 p., ill.
2. Winston L. King. Zen and the Way of the Sword. An Attempt to Understand the Psychology of the Samurai: trans. from English by Kotenko R.V. SPb.: Eurasia, 2002. 320 p., ill.
3. Maslov A.A. Bushido: The Samurai Code of Honor. 3rd ed. Rostov-on-Don: Phoenix; Krasnodar: Neoglorry, 2008. 284 p.: ill. The Path of the Master.
4. Ratti O., Westbrook A. Secrets of Ancient Civilizations. Samurai. Moscow: Eksmo Publishing House, 2007. 640 p.
5. Budoshoshinshū (Instructions for those entering the path of a warrior) by Yuzan Daidōji: translated into Russian by: R.V. Kotenko, A.A. Mishchenko St. Petersburg: Eurasia, 2001. 320 p.
6. Hagakure (Hidden Among the Leaves) by Yamamoto Tsunetomo. Translation into Russian by: R.V. Kotenko, A.A. Mishchenko St. Petersburg: Eurasia, 2001. 320 p.
7. Treatise on fencing by Dzyagyu Tajima-no-kami. [Electronic resource] 2024. URL: http://www.aikidoka.ru/bushido_2/ (date of access: 08/18/2024)
8. Heijutsu Zekun (Fundamentals of fencing by Adachi Masahiro) [Electro. resource] 2024. URL: http://www.aikidoka.ru/bushido_2/ (date of access: 09/16/2024)

Информация об авторе

Смирнов В.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Уральский федеральный университет, wajin1987@yandex.ru

© Смирнов В.В., 2025